Отечественная история *National History*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-53-62

УДК 94

Хранитель церковной книжности: биография Е.А Карманова в контексте советской эпохи в истории РПЦ

Ирина Владимировна ЛОБАНОВА

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

lobanova_irina@ro.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Аннотация. В статье через призму судьбы Е.А. Карманова - церковного издателя, редактора и библиофила - показан сложный процесс выживания отечественной церковно-исторической науки в советский период. Лишенная возможности развития, она оказалась сосредоточена на задаче сохранения дореволюционного своего наследия и новых рукописных свидетельств, которые должны были стать материалом для будущих исследований. В этих условиях очень важной становилась роль собирателей и хранителей книжной культуры церкви, каким и был Е.А. Карманов (1927-1998).

Ключевые слова: церковно-историческая наука, РПЦ, духовные школы, Карманов Е.А., Киевская семинария, Ленинградская духовная академия, «Журнал Московской Патриархии», «Богословские труды», Издательский отдел Московской патриархии

Для цитирования: Лобанова И.В. Хранитель церковной книжности: биография Е.А Карманова в контексте советской эпохи в истории РПЦ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13, № 4. С. 53-62.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-53-62

Original article

The keeper of Church Books: the biography of E.A. Karmanov in the context of the Soviet Era in the History of the Russian Orthodox Church

Irina V. LOBANOVA

Institute of Russian History RA

Moscow, Russia

lobanova_irina@ro.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Abstract: In the article through the prism of the fate of E.A. Karmanov, a church publisher, editor and bibliophile, shows the complex process of survival of Russian church history science in the Soviet period. Deprived of the possibility of development, it turned out to be focused on the task of preserving its pre-revolutionary heritage and new manuscript evidence, which was to become material for future research. Under these conditions, the role of collectors and keepers of the book culture of the church became very important, as was E.A. Karmanov (1927-1998).

Keywords: church history science, Soviet times, the Russian Orthodox Church, theological schools, E.A. Karmanov, Kiev Seminary, Leningrad Theological Academy, the journal of the Moscow Patriarchate, Theological Works, Publishing Department of Moscow Patriarchate

For citation: Lobanova I.V. The keeper of Church Books: the biography of E.A. Karmanov in the context of the Soviet Era in the History of the Russian Orthodox Church. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.4. PP. 53-62. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-53-62

Материалы и методы. Литература. В советские послевоенные годы церковно-историческая наука находилась в упадке - имелись серьезные проблемы с подготовкой научных кадров, с доступом к специальной литературе и источникам, с издательской базой. Кроме «Журнала Московской Патриархии», вовсе не приспособленного для ведения научных дискуссий, а созданного для размещения текущей информации об актуальных событиях внутрицерковной жизни, опубликовать результаты научных исследований по истории Русской церкви было практически нигде. В официальной исторической литературе церковно-исторические темы и сюжеты появлялись только в соответствующем идеологическом контексте: церковь была объявлена реакционным институтом, а религия - «опиумом для народа». Даже патриотическая роль церкви как силы, объединяющей и вдохновляющей на борьбу с внешним для России врагом, влияние христианства на формирование русской культуры игнорировались советской официальной наукой.

Правда, сама церковь переживала в послевоенные годы подобие скромного ренессанса: было позволено, наконец, избрать патриарха, открыть духовные школы, возобновить издание уже упоминавшегося «Журнала Московской Патриархии». Церкви была возвращена Троице-Сергиева Лавра и некоторые реликвии. Итоги первого послевоенного десятилетия внушали в этом смысле умеренный оптимизм. М.И. Одинцов в своей монографии приводит следующую статистику: «В 1955-1957 годах действовали все духовные семинарии и академии, открытые в предшествующий период¹. Число желающих обучаться в них росло с каждым годом: в 1954 году было подано 401 заявление, в 1955 году - 597, в 1956-1957 годах - по 750-800. В 1957 году в духовные школы были приняты 336

¹ После хрестоматийной встречи И.В. Сталина с православными иерархами в сентябре 1943 г. были открыты 8 семинарий и две духовные академии: в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Саратове, Луцке, Минске, Ставрополе. С началом так называемых «хрущёвских гонений» в 60-е годы власти опять начали их закрывать

человек, тогда как 3-4 года назад ежегодный прием не превышал 250-275 слушателей» [6, с. 366].

При написании статьи автор руководствовался принципами и методами исследования, известными в исторической науке, в частности просопографическим методом, позволяющим конкретно рассматривать роль и место в науке собирателя и хранителя книжной культуры церкви, методом исторического описания, методом системного подхода, позволяющего раскрыть содержание и направленность идей Е.А. Карманова.

Обсуждение. В целом в ту пору речь шла о выживании, а вовсе не о новом расцвете. Семинарии должны были решать практическую задачу - готовить новых священников, а не ученых. Кроме того, вновь приходящие в церковь молодые люди часто нуждались в элементарной катехизации. Позднее Евгений Алексеевич Карманов, двадцать лет прослуживший ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии» и возрожденных в 1960 г. «Богословских трудов», вспоминал о своем поступлении в Киевскую семинарию в 1948 г. так: «Я поехал сдавать экзамены. Конечно, петь я не мог, по-славянски я не знаю, что там начитал. В общем, что-то ужасное было. Многие парни, которые были в селах и ходили по церквам, уже гораздо больше меня знали и понимали. Все-таки меня приняли. Приняли. А потом мне объяснили, что я с трудом прошел, потому что тогда ставка была на то, чтобы поступали в семинарию с минимальным образованием - пятью-шестью классами, семью. А я же не мог скрыть, что немножко даже в университете был. Видимо, думали, что если попы будут дураки, то Церковь сама собой, наконец, подойдет. А, кроме того, к этому времени отец числился начальником экспериментального цеха, а потом вообще сделали цех концертным, специальных инструментов, и отец наладил это производство.

Так что сын начальника, не ахти какого, но все-таки начальника; старались, чтобы этого тоже не было. Но каким-то путем пропустили меня, и я там спокойно стал заниматься. Это был уже третий набор Киевской Духовной семинарии и последний год, когда она находилась в развалинах Михайло-Златоверхого монастыря. Там было десятка полтора монахов, маленькая церквушечка, где лежали мощи великомученицы Варвары. Каждый вторник митрополит Иоанн рано утром приезжал, служил акафист великомученице Варваре. Мы тоже были на этом акафисте» [3].

Послевоенный быт был, конечно же, труден и скуден. Питание было еще по карточкам, одевались в то, что сумели по случаю раздобыть. Евгений Алексеевич вспоминал, что кто-то вместо шарфа носил на шее белое вафельное полотенцем. Контингент слушателей тоже был разнородный - фронтовики, вчерашние школьники. Карманов вспоминал о своих однокурсниках: «Один был подводник, другой был с дальнего ночного бомбардировщика, награжденный разными орденами, но когда на какой-то раз их сбили и они оказались в недолгом плену, он, конечно, лишился всех орденов и спокойно дослужил в армии в нижних чинах. Был просто офицер пехотный, еще какие-то ребята были. Один был из тех, кого увезли в Германию молодым парнем, и там он должен был батрачить; он рассказывал о разных своих делах. Был один, который пришел к вере через хлыстов где-то в Харькове, в общем, через сектантство, учительница ему что-то рассказала об этом, и он потом пришел в христианство. Но тип немножко аскетический; я не пойму, то ли он такой был, то ли это небольшое пребывание среди сектантов на него наложило такой отпечаток» [3].

Понятно, что эти люди пришли в церковь своими сложными путями и хотели таким образом изменить свою жизнь. Вступительные требования к абитуриентам были в то время очень скромными. Ведь уровень подготовки слушателей духовных школ определялся широкой атеистической пропагандой и недоступностью элементарных сведений о вере и религии.

Результаты. Символ веры и молитвы, которые поступающему в семинарию необходимо было знать, Е.А. Карманов извлек из «Размышлений о Божественной литургии» Н.В. Гоголя. Прочесть Евангелие тоже было нелегкой задачей. Карманов в своих мемуарах делился воспоминаниями о том, какими путями он добывал эту книгу за пару лет до поступления в семинарию в послевоенной Москве: «Я пошел в букинистические магазины. Удивительно, что там много было этих книг, они стояли открыто. Где-то я спросил: “Библия есть?” ...Мне показывают: “Вот есть, смотрите, какая большая, крупный шрифт, на славянском языке”. Я говорю: “Нет, на русском”. Тоже показали - громадную и дорогую. Я-то думал про такую, которую можно в карман положить, чтобы она никому не мешала». Не найдя подходящего издания в магазинах, Карманов зашел в один из действующих московских храмов. Там ему тоже не смогли помочь, но один из прихожан согласился продать свою и дал молодому человеку адрес. «И я в какой-то день приехал куда-то, не знаю, где это было. Он показал мне Евангелие на двух языках, четыре Евангелия, обычное такое, распространенное, русско-славянское. Запросил он то ли 250, то ли 300 рублей. Не в этом дело, но мне хотелось Новый Завет. Я сказал, что подумаю, если ничего не будет лучше, приду. И на старом Арбате, в каком-то магазине, у метро справа (я зашел уже вечером, было пустовато) спросил. Продавец-мужчина говорит: “Вам действительно нужно, очень нужно?” - “Очень нужно!” Кажется, он назначил мне прийти на следующий день или через день. Я пришел, он из какого-то ящика достал Библию в мягком черном переплете за 125 или за 150 рублей. Я сразу ему деньги отдал, взял ее и стал обладателем Библии» [3].

В мемуарах Евгения Алексеевича Карманова - личности в церковных кругах легендарной - вообще очень много внимания уделено книгам. Он разыскивал их всюду, где оказывался, и оставил нам подробное описание этой стороны жизни церковного интеллигента послевоенного времени. Биографы Евгения Алексеевича не зря называют его в первую очередь библиофилом и книжником [4].

Его вклад в развитие церковно-исторической науки новейшего времени трудно переоценить. Обладая потенциалом настоящего исследователя, он тем не менее посвятил свою жизнь созданию базы для будущих научных изысканий по церковной истории и смежных с нею дисциплин. Автор посвященного ему некролога о. Борис Михайлов рассказывал о тех сложных для церковного человека временах: «Мы питались из двух источников: парижского - изданий YMCA и “Вестника РСХД”, и московского - ЖМП и “Богословских трудов”. Душой второго был Е.А. Карманов» [5].

Другой биограф Карманова - Александр Кравецкий, которому довелось разбирать бумаги Евгения Алексеевича, обращал внимание: «Если просматривать опись его архива, бросается в глаза значительное количество машинописных переводов зарубежных исследований по истории Церкви, патристике, литургике, церковной археологии и т.д. К появлению значительной части этих переводов Евгений Алексеевич имел самое непосредственное отношение. Он был одним из тех сотрудников Московской Патриархии, которые заказывали и оплачивали такие переводы. Переводы тиражировались на пишущей ма-

шинке, а затем передавались в библиотеки духовных академий и другие церковные структуры.

Такая переводческая деятельность, с одной стороны, знакомила узкий круг церковной интеллигенции с этими произведениями, а с другой - давала работу переводчикам, в ряде случаев из-за политических преследований не имеющим официального заработка. Среди переводов есть и труды русских богословов (Флоровского, Шмемана, Мейендорфа), и зарубежные исследования, и новые переводы патристических текстов. В 90-е годы некоторые из этих переводов были напечатаны. Другую часть коллекции Е.А. Карманова составляют материалы по истории Русской Церкви, в первую очередь советского периода. Здесь и самиздатовские материалы, посвященные церковной жизни, и подлинные документы (например, указы Патриарха Сергия), и неопубликованные исследования. Какие-то тексты попали за рубеж и были напечатаны там. Именно Евгений Алексеевич способствовал передаче на Запад биографического справочника русских архиереев, составленного митрополитом Мануилом (Лемешевским). Он передал машинописный экземпляр этой книги покидающему СССР М.С. Агурскому. Вскоре все шесть томов были изданы в Германии. Довольно многое удавалось напечатать в "Журнале Московской Патриархии" или "Богословских трудах"» [4].

Таким был этот период для отечественной церковно-исторической науки - накопительным, пассивным. Уже в 1990-е годы Евгений Алексеевич безвозмездно раздавал архивные документы, рукописи, бережно сохраненные переводы святоотеческих текстов любому, кто разыскивал материал для своих исследований. Так были написаны десятки монографий, изданы важные источники по церковной истории и патристике.

А начиналось это собирательство в те самые послевоенные годы, когда любая находка была сокровищем и каждый поход в библиотеку оказывался приключением. Многие издания попадали в руки Евгения Алексеевича совершенно случайно. Бывало, что и «по недосмотру». Так в городской библиотеке Свердловска он неожиданно наткнулся пару раз на раритетные и совершенно бесценные по тем временам вещи: «Я брал какие-то книги совершенно нейтральные, но к одной из них оказалась приплетена маленькая книжечка профессора Иванова "Средневековый монастырь". Позже я узнал, что это был очень известный преподаватель какой-то гимназии и у него есть целая серия - "Средневековый город", "Средневековый монастырь", "Средневековое село" (или деревня) и "Средневековый замок". Я эту вещь прочитал, и как-то мне захотелось узнать что-нибудь хорошее о монастырях, конечно, не в средневековой Европе, а где-нибудь поближе. Да, тогда же я случайно нашел в каталоге один из томов Златоуста старого издания, Толкование на Евангелие от Матфея. Я так раз за семь ее прочитал. Начал второй раз читать, потом она исчезла из каталога и мне говорят: "Нет такой книги". - "Ну я же брал!" - "Покажите карточку". Пошел: карточки уже нет. Ну, все понятно..."» [3].

Учеба в семинарии, к сожалению, тоже не гарантировала тогда доступа к церковной литературе - библиотеки духовных школ были разорены. Библиотека открытого в 1944 г. Богословского института, который позже был преобразован в Московскую духовную академию, началась с мешка книг, который принес один из профессоров. Приходилось восстанавливать библиотечные фонды практически с нуля и совершенно бессистемно. Е.А. Карманов по поручению заведующего семинарской библиотекой о. Сергия (Афонского) как раз и занимался этим непростым по тем временам делом почти все время своего обучения в Ки-

евской семинарии. «Когда я пришел, - вспоминал Евгений Алексеевич, - там было книг семьсот; когда я уходил, было уже более трех тысяч книг. Куда они после закрытия Семинарии девались, трудно сказать. Но подбирались хорошие книги. Я ходил в букинистические магазины, там меня уже знали, доставали книги, приобретенные ими за этот период. Сначала отбирал я, потом все остальные, потому что я брал много и целенаправленно, и как-то так получалось хорошо. Стипендия, которая была не такая уж большая (давали сорок рублей, потом пятьдесят-шестьдесят по старым деньгам), и то, что я получал еще за библиотеку, давало мне возможность тоже покупать книги. Первую духовную книгу я купил в магазине, в церковной лавке, которая тогда была на Подоле. Там можно было приобрести свечи, какое-то облачение, еще что-то, и было две полочки книг религиозного содержания, не дешевые, но все-таки. Кирилла Иерусалимского издания Сойкина я там купил за тридцать пять рублей, за целую стипендию, но был очень рад. Это был 1948-й год, и отсюда началась моя библиотека».

Став слушателем Ленинградской духовной академии, Евгений Алексеевич Карманов по-прежнему пользовался любой возможностью, чтобы найти церковную литературу. В Ленинграде этих возможностей открылось для него больше. Евгений Алексеевич вспоминал, что записался не только в публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, но и каким-то чудом проник в библиотеку Академии наук, хотя туда студентов не записывали в принципе. «И в той и в другой библиотеке еще были старые кадры. В косой галерее - в Публичной библиотеке, главный каталог у них там стоит, работала дочь профессора Садова, - у него про Лактанция есть работа, по латинскому языку, переводы первых веков христианства и т.д. Седовласая женщина, величественная такая. С ней все считались. Она действительно была там непререкаемым авторитетом. Один раз даже меня к ней отправили с каким-то вопросом. Я с ней тоже немножко побеседовал. И вообще, в Салтыковской Публичке было видно еще, с одной стороны стояли целые ряды прекрасно переплетенных хороших книг с пометкой: “Библиотека СПбДА”, и все там можно было раздобыть, все там можно было читать; и это было замечательно» [3].

К тому моменту, когда Е.А. Карманов оказался востребован в церкви в качестве «книжника», он уже на собственном опыте знал, что вовсе не в научных монографиях испытывают на тот момент потребность рядовые верующие, но он верил, что придет время и нужны станут и богословские труды и материалы по истории церкви. Как прозаики, которые писали в те времена «в стол», он «в столе» копил переводы Тертуллиана и богословские трактаты современных богословов. Пока же нужно было издавать молитвослов, Библию, выпускать в свет журнал, в котором публиковались проповеди, рецензии, официальная информация о внутрицерковной жизни.

К работе в «Журнале Московской Патриархии» Евгения Алексеевича привлекли еще во время его учебы в Ленинградской духовной академии. Он был первокурсником, когда начальство порекомендовало его А.В. Ведерникову - на тот момент ответственному секретарю ЖМП. Он вместе с еще одним студентом был принят на работу в редакцию стажером. «Летом мы с Павлом¹ приезжали в Москву. Нам снимали в Кривоарбатском переулке квартиру, и мы два - два с половиной месяца работали в редакции. В первое же лето мы даже один номер сами сделали вдвоем, потому что все ушли в отпуск. Потом были при рождении и создании Богословских трудов. Но первая-то работа у нас

¹ Уржумцевым П.В. (1925–2013) – будущим сотрудником Издательства Московской Патриархии и Издательского Совета Русской православной церкви

была: нас очень крепко вовлекли в издание Библии. Мы держали корректуру всей Библии. Это первая, большая Библия 1956 года. Так что не только день, но и вечер, и ночь требовались» [3].

После Библии был молитвослов и Новый Завет. Печаталось все это в разных местах - что-то в Москве, что-то в Ленинграде (Московской патриархии так и не позволили завести собственную типографию, поэтому приходилось преодолевать множество препон, прежде чем опубликовать что-то из церковной литературы). Иногда стажерам поручали писать небольшие статьи и заметки. Все это происходило на фоне реализации масштабных внеполитических проектов, в которых власть пыталась использовать церковь. В первую очередь это была широкая миротворческая компания против угрозы новой войны. Некоторые исследователи считают, что «под гуманными и популярными в широких массах лозунгами советское руководство проводило жесткую антизападную пропагандистскую (и не только) кампанию, внося свою лепту в эскалацию холодной войны. Отводя церкви важное место в организации движения сторонников мира, власть неминуемо ставила РПЦ под огонь критики западных церквей, способствовала ее изоляции в христианском мире» [2].

В любом случае участие церкви в этом движении было не добровольным, хотя и соответствовало христианским устремлениям по своей сути. Но церковным иерархам приходилось выполнять в этом деле поручения светских властей, которые контролировали и направляли действия архиереев. Современный исследователь этой проблемы С.В. Болотов приходит в своей монографии к однозначному выводу: «Деятельность Русской Православной Церкви на международной арене была прямо и непосредственно ориентирована советским руководством на воплощение в жизнь внешнеполитической стратегии СССР. Участие Московской Патриархии в советской внешней политике можно обобщенно свести к трем составляющим: антифашистская агитация, просоветская пропаганда и укрепление связей между СССР и его союзниками, в роли которых в первой половине 1940-х г. выступали страны антигитлеровской коалиции, а в послевоенный период - страны советской зоны влияния» [1].

Самым неудобным и противным идеологии РПЦ было вынужденное участие в экуменическом движении. В 1948 г. Московская патриархия официально осудила экуменизм, но позже, в 1961 г., под давлением властей РПЦ вступила во Всемирный совет церквей. Политические события эти, точнее подготовка к ним (Евгений Алексеевич закончил академию в 1958 г.), удивительным образом отразились на судьбе Е.А. Карманова.

К концу третьего курса следовало выбрать себе тему для кандидатской работы. Были вывешены списки тем, из которых Евгений Алексеевич выбрал «Раскопки в Кумране» - по библеистике. Тема была успешно утверждена, Карманов начал подбирать соответствующую литературу. О дальнейшем развитии событий он вспоминал так: «Приехав же в Москву, я, конечно, рассказал об этом Ведерникову. Он тут же пошел, - он постоянно советовался с председателем Издательского отдела митрополитом Николаем (Ярушевичем). Мы, по-моему, ни разу с Владыкой не виделись за все время, только Анатолий Васильевич к нему ходил, все вопросы решал. Ну, это неплохо. Пришел и говорит: “Знаете что, Владыка не благословляет вам эту работу писать”. Нет, даже не так: “Он вам благословляет написать работу по экуменическому движению”. Я говорю: “Я ведь уже там подал тему”. - “Ну, говорит, это ничего, перепишите”. Возражать? Нет, я же формально был в его подчинении. Он был председателем Издательского отдела, был главным редактором журнала; я у него был сотрудником. <...>

Осенью я приехал, подал новое заявление. Так спокойно все восприняли. Видимо, иногда такие случаи бывают, что меняют тему. Что делать? Купрессову, профессору западных исповеданий, конечно, непонятно, как относиться. Я его успокоил, чтобы он не беспокоился, что я сам как-нибудь найду литературу и все. Конечно, он помочь мне не мог. После 1948 года, когда была осуждена экуменическая линия в христианстве, о ней ничего доброго не писали, только ругань оставалась. Но мне казалось, что это не могло оставаться бесконечно долго, и хотелось спокойное что-то написать по истории экуменического движения» [3].

Некоторые преподаватели предрекали Карманову, что он сломает себе шею на этой теме, однокурсники смеялись и спрашивали: «Что такое ты пишешь там по коммунистическому движению?». Но Карманов, как настоящий исследователь, подошел к изучению темы ответственно. Нашел в библиотеке Академии наук свежую - начала 50-х годов - монографию на английском языке, заказал микрофильм с этой книги, сам сделал из фотоувеличителя ридер для чтения пленки. Но этой книги и некоторых других обнаруженных материалов было недостаточно для раскрытия темы. И тогда, как рассказывал Евгений Алексеевич: «Я сказал Парийскому¹, что мне нужна кое-какая литература и что я хотел бы написать во Всемирный Совет Церквей. Он говорит: “Пишите, дело ваше”. Я написал туда запрос. Они послали мне три бандероли - по годовому комплекту “Ecumenical Review”, но одна не дошла. Я поблагодарил их и сказал, что получил две бандероли. Они пишут: “Мы бы хотели, чтобы у вас все было, поэтому вторично посылаем эту пропавшую бандероль”. Адрес был очень простой: “СССР, Ленинград, Духовная академия, Карманову”. Чтобы не быть слишком нищим перед ними, я купил книгу Лазарева “Древнерусское искусство”, первое, еще сороковых годов издание. Она сорок с чем-то рублей стоила. Запакował и в библиотеку Всемирного Совета Церквей отправил. Так что кое-что от них я получил. Был этот микрофильм, были еще какие-то вещи. И плохо ли, хорошо ли - я написал эту кандидатскую работу: “Очерк по истории экуменического движения”» [3].

Такое внимание к теме кандидатской работы студента, скорее всего, показывает, что в патриархии на него имели виды и потому хотели актуальной и лояльной к государственной политике темой обеспечить ему одобрение со стороны надзирающих за церковными структурами органов, в которых никаких серьезных назначений без ведома властей не делалось. Предосторожности были не лишними еще и потому, что как раз в эти годы давление на церковь со стороны государства возрастает: усиливается антирелигиозная пропаганда, закрытие храмов приобретает массовый характер, сокращается количество духовных школ, чинятся иные препятствия для религиозного образования, например появляется запрет на заочное обучение в семинариях. Наиболее авторитетные иерархи из числа противников нового курса церковной политики лишались своих постов и возможности осуществлять любую общественную деятельность, включая богослужение. Так поступили и с митрополитом Николаем (Ярушевичем) - председателем Отдела внешних церковных сношений и главным редактором «Журнала Московской Патриархии». Это случилось в 1960 г. К этому времени Е.А. Карманов уже окончательно осел в редакции, хотя получить прописку в Москве или Подмоскowie ему не удалось, из-за чего приходилось первое время ездить на работу из Рязани, где он снимал квартиру.

¹ Парийский Л.Н. (1892–1972) – на тот момент инспектор Ленинградской духовной академии

Но до этого он еще год пробыл в академии. Сам Карманов недоумевал: «Меня оставили профессорским стипендиатом, хотя все знали, что я каждый год езжу в редакцию и там, вероятно, буду и работать. <...> В результате я продолжал еще год заниматься там экуменическим движением, написал стипендиатский отчет, прочитал под наблюдением Купрессова несколько лекций по западным исповеданиям. Но тут мне повезло: я раскопал в Финляндском православном сборнике какие-то статьи будущего Патриарха Сергия (Страгородского) на эту тему и их использовал, и еще что-то такое, так что получились неплохие лекции» [3].

Выводы. Дальнейшая жизнь Е.А. Карманова была связана с той самой книжностью, которая уже не раз упоминалась в настоящей статье. «Он не писал книг, - отмечает его биограф, - не был фигурантом громких политических процессов, не давал интервью. От него остались книги, на обложках которых стоят имена других людей, а он в лучшем случае числится редактором или упоминается в предисловии после слов “автор благодарен”» [4].

Однозначно, на пустом месте церковно-историческая наука вряд ли смогла бы так пышно расцвести, как это произошло в 1990-е годы. И в ее расцвете есть немалая заслуга Евгения Алексеевича Карманова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е - 1950-е годы. - М. : Издательство Крутицкого подворья, 2011. - С. 285.
2. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. - С. 156.
3. Карманов А.Е. Незаметная жизнь // URL: <https://azbyka.ru/fiction/nezametnaya-zhizn/> (дата обращения: 01.07.2021).
4. 4. Кравецкий А. Хранитель церковной науки, от которого не осталось имени // URL: <https://www.pravmir.ru/hranitel-tserkovnoy-nauki-ot-kotorogo-ne-ostalos-imeni/> (дата обращения: 01.07.2021).
5. Михайлов Борис, свящ. Евгений Алексеевич Карманов // Альфа и га. - 1998. - № 18. URL: <https://www.pravmir.ru/vechnaya-pamyat-3/> (дата обращения: 02.07.2021).
6. Одинцов М.И. Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). - М.: Политическая энциклопедия, 2015. - С. 366.
- 7.

REFERENCES

1. Bolotov S.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i mezhdunarodnaya politika SSSR v 1930-ye - 1950-ye gody. [The Russian Orthodox Church and the foreign policy of the USSR in the 1930s - 1950s.]. M. : Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2011. P. 285. (In Russ.)
2. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. Moskva i Vostochnaya Yevropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsiy 40-50-kh godov

- КХКХ века: Ocherki istorii. [Moscow and Eastern Europe. Power and the Church in the Period of Social Transformations of the 40-50s of the 20th Century: Essays on History]. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina, 2008. P. 156. (In Russ.)
3. Karmanov A.Ye. Nezametnaya zhizn'. URL: <https://azbyka.ru/fiction/nezametnaya-zhizn/> (data obrashcheniya: 1 iyulya 2021 g.). (In Russ.)
 4. Kravetskiy Aleksandr. Khranitel' tserkovnoy nauki, ot kotorogo ne ostalos' imeni [The guardian of church science, from whom no name remains]. URL: <https://www.pravmir.ru/hranitel-tserkovnoy-nauki-ot-kotorogo-ne-ostalos-imeni/> (data obrashcheniya: 1 iyulya 2021 g.). (In Russ.)
 5. Mikhaylov Boris, svyashch. Yevgeniy Alekseyevich Karmanov [Evgeny Alekseevich Karmanov]. «Al'fa i omega», 1998, № 18. <https://www.pravmir.ru/vechnaya-pamyat-3/> (data obrashcheniya: 2 iyulya 2021 g.). (In Russ.)
 6. Odintsov M.I. Patriarkh Pobedy. Zhizn' i tserkovnoye sluzheniye patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya (Simanskogo). [Patriarch of Victory. Life and Church Ministry of the Patriarch of Moscow and All Russia Alexy (Simansky)]. М.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. P. 366. (In Russ.)

Информация об авторе: Лобанова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. ул. Дм. Ульянова, д. 19, 117 292

<https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

lobanova_irina@ro.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Irina V. Lobanova D. in History, Leading Researcher Institute of Russian History RA,

Moscow, Russia

lobanova_irina@ro.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 14.07.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 09.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.08.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests